

VERONIKA
КАСС

(НЕ) ТВОЯ
ТАЙНА,
ИЛИ

РАЗБУДИ
МОЮ СТРАСТЬ

Вероника Касс

**(Не)твоя тайна, или
Разбуди мою страсть**

«Вероника Касс»

2022

Касс В.

(Не)твоя тайна, или Разбуди мою страсть / В. Касс — «Вероника Касс», 2022

Виктория собственноручно подписала кабальный договор и теперь должна платить неустойку. У нее нет таких денег. Но мужчина, от которого она уже однажды сбежала, предлагает ей необычный выход из ситуации: он прощает долг, Вика выходит за него замуж и помогает ему получить свидетельство об установлении отцовства на ее дочь... Зачем ему чужой ребенок и к чему приведут эти странные отношения?

© Касс В., 2022

© Вероника Касс, 2022

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	31
Глава 10	33
Глава 11	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Вероника Касс

(Не) твоя тайна, или Разбуди мою страсть

Пролог

– Бельчонок, говори быстрее, я к заказчику приехала, – протараторила я сразу после того, как провела пальцем по смартфону, на котором красовалась фотография моей восьмилетней дочери.

– Мамулечка, Римма Ильинична заболела, и нас отпустили с третьего и четвертого уроков, – прозвучало щебетание дочери в наушниках.

Как же все не вовремя.

Затормозила у шлагбаума и показала подошедшему охраннику свой паспорт. Я должна числиться в списках сегодняшних посетителей. Так и было, охранник кивнул и махнул кому-то, сразу после этого шлагбаум начал подниматься, я поменяла скорость и поехала на парковку. Мне нужен был третий подъезд.

Жилой комплекс был шикарнейшим, лучшим из числа тех, в которых мне доводилось работать. И я просто обязана была попасть внутрь и получить этот заказ.

Не из-за денег, нет. Мне было интересно.

Я любила свою работу, а шикарные квадраты и планировка, так же как и богатые заказчики, – это раздолье для моих фантазий и огромное число возможностей.

Припарковала машину, перебирая в голове всевозможные варианты, пока дочка весело щебетала о том, как они весь прошлый урок просидели одни в кабинете и облазили преподавательский стол вдоль и поперек. Вроде не такие уж и дети... второй класс, а ведут себя как малыши. Мы в их возрасте были намного взрослее и смышленнее. Улыбнулась, вспомнив своих одноклассников, и решение пришло само собой.

– Евочка, Ринат еще не ушел?

– Что я, за ним следить, что ли, буду? – сквозь губу проговорила доча. Первая школьная любовь – это так остро и эмоционально.

– Ева!

– Да здесь он, куда ж денется.

– Прекрасно, я позвоню Раисе, и она заберет тебя к себе, пока я не приеду.

– Мам!

– Бельчонок, мне очень-очень некогда, – протянула я с сожалением.

– Хорошо, так уж и быть, поеду к Расимову, но только ради тебя, мам.

– Конечно, милая. Люблю тебя.

Я быстро скинула вызов и, увидев, что у меня осталось каких-то шесть минут до обозначенного времени, начала поторапливаться. Нашла в телефонной книге Раису Расимову и попросила ту присмотреть за моей дочерью.

С ней мы никогда не были подругами, но приятельские отношения поддерживали уже четвертый год, после того как я разработала дизайн-проект для её ресторана. Раиса же и помогла устроить мою дочь в ту же школу, куда шел её сын. Расимова тоже была матерью-одиночкой, как и я, но уровни наши были несопоставимы. Я давно не жаловалась на свой доход, все же какое-никакое, но имя себе я сделала, и заказы бывали разные, от малоприбыльных до очень и очень крупных. Но до элиты, чьи дети обучались вместе с Евой, мне было далеко.

Тяжело вздохнула, посмотрела на себя в зеркало заднего вида, накрасила губы розовым блеском, пригладила длинные черные волосы, к цвету которых я даже за девять лет так и не сумела привыкнуть, и, напоследок подмигнув своему отражению, вышла из машины.

Минута в минуту к назначенному времени я вышла из лифта и поняла, что попала в свой персональный рай. В пентхаусе не было ничего, черновая отделка и бесконечное пространство, в голове сами собой стали появляться образы того, как можно здесь все устроить, и я с трудом заставила себя прекратить. Это не моя квартира, и, обустривая её, мне придется руководствоваться пожеланиями клиента, но не своими.

– Виктория? – С лестницы начала спускаться женщина средних лет.

– Да, здравствуйте. Вы Мария Павловна?

– Да, это я. – Женщина подошла ко мне и протянула в приветствии руку.

– Ну, в общем, смотрите. Для Виталия Сергеевича в приоритете тишина и удобство рабочей зоны. Это не то место, где он будет проживать постоянно, у него есть дом. Эту же жилплощадь он приобрел для удобства. Ну, знаете, – женщина оглянулась и пожала плечами, – иногда не совсем удобно ехать после тяжелого трудового дня за город, а тут...

– Да, само собой, понимаю. – Только вот я ни черта не понимала.

К тому моменту мы подошли к французским окнам – и я пропала: вид на двор и внутреннюю территорию был сумасшедшим. Я так торопилась, что даже не заметила, пока была внизу. Здания жилого комплекса сформировали закрытое приватное пространство с озеленением, прогулочными зонами и фонтаном. Да здесь был настоящий парк – вот так, почти в центре Москвы, скрытый внутри территории парк. И кто-то покупает здесь апартаменты лишь для кратковременного пользования. Уму непостижимо.

Я прочистила горло и задала очень важный вопрос.

– Маргарита Павловна, почему я? Нет, нет, постойте, я помню, как вы говорили, что меня порекомендовал Озерный, но я о другом, – я заговорила быстрее и тут же сама себя осекла: меня многие не понимали, а сейчас я нервничала и в запале эмоций опять начала тараторить, – С этим проектом работали именитые мировые дизайнеры, и они разрабатывали не только проект зданий и благоустройство, но интерьеры квартир. Я это точно знаю.

Женщина усмехнулась.

– Да, вы правы, но-о-о, понимаете, – Маргарита Павловна замялась, – Виталий Сергеевич – он такой своеобразный человек, ему абсолютно не понравился стиль, в котором разрабатывали проекты дизайнеры.

– Английский неоклассицизм, – кивнула я.

– Да. Я ему говорила, что стоит только высказать свои предпочтения – и они все решат в лучшем виде. Но мой начальник уперся и поставил задачу найти дизайнера со стороны.

– Понятно, – сухо ответила ей, только сейчас осознавая, как мне повезло.

– Ну так что, вы беретесь?

– Ну, пока я не особо понимаю, чего хочет хозяин апартаментов. Но с моей стороны было бы глупо отказываться от такого шанса.

В течение следующего часа я пыталась прочитать и осмыслить договор на оказание услуг, который в итоге все же подписала. Условия были ужасными. По итогу я должна была получить баснословную сумму, но кровь из носа довести проект до финала, иначе не менее баснословную сумму пришлось бы выплачивать уже мне – как неустойку.

В пяти приложениях к договору были расписаны все пожелания клиента. В общем-то, их было много, но они были не такими уж и притязательными.

Распрощавшись с Маргаритой Павловной, я в приподнятом настроении поспешила к лифту, створки которого открылись прямо перед моим носом еще до того, как я успела нажать на кнопку вызова.

А дальше все как в бульварном романе: я встретила взглядом с потрясающим мужчиной, шоколадные омуты которого затягивали в свою бездну, поглощая и поработывая. И по правилам жанра должна была пропасть, испариться, раствориться в водовороте чувств, нахлынувших на глупую меня, я должна была влюбиться с первого взгляда в двухметрового самца с

могучими плечами и одетого с иголки в брендовые вещи. Но что-то пошло не так. Вселенная дала сбой, на мне... на нас. Ведь невозможно влюбиться в человека с первого взгляда, если этот взгляд далеко не первый.

Мои ноги подкосились, задрожали даже пальчики на них, сердца я не чувствовала вовсе, оно притаилось непонятно где, а возможно, выпрыгнуло, не спрашивая моего на то разрешения. И все это было отнюдь не от восторга. Я, конечно же, не умаляла красоту и природный магнетизм этого мужчины, что поработал своей силой, как типичный альфа-самец, распространяя вокруг себя ауру всевластия и мощи. Я все это понимала и чувствовала, но тряслись мои поджилки не из-за этого. Не было слепого восхищения, был лишь страх. И он не был вовсе безотчетным, у меня были веские причины бояться Самойлова.

Господи, какая я дура! Самойлов Виталий Сергеевич – ну почему я не связала два и два?

Да потому что я сбежала от него девять лет назад через всю страну и даже представить не могла, что он когда-либо окажется здесь. Что он появится в моей налаженной до автоматизма жизни... И что теперь делать?

Глава 1

9 лет назад

Как же мне хотелось спать, просто безумно. Глаза не открывались, словно кто-то заклеил их лейкопластырем. Хлопнула дверь ванной комнаты, и, шлепая босыми ногами, в спальню зашел Антон.

– Вика, ну сколько можно спать? Вставай, ради бога, я голодный, как буйвол.

– Ты и есть бык, – пробубнила я в подушку, пытаюсь все же открыть глаза.

– Вика, черт. Я хочу спать, но перед этим надо поесть, а жрать нечего.

– Тоша, имей совесть, я всю ночь провела с кошкой.

Сегодня я стала крестной мамой двух прекрасных котят, даже скорее врачом-акушером, который внимательно наблюдал за всем процессом. Один раз, правда, отлучилась за тазиком, потому что зрелище это для моего организма оказалось малоприятным.

– Кто тебя просил? Это же кошка. – Муж хлопнул на этот раз дверью шкафа, который и без того держался на соплях.

Да, все здесь держалось на соплях, так же как и наша с ним супружеская жизнь. Курков Антон, мое персональное наваждение и уже четыре года как мой супруг: красивый, высокий, атлетичный, бравый военный и, как ни прискорбно, заядлый игроман. А еще домашний тиран, требовательный, как какой-то дикобраз, которого я несмотря ни на что безумно любила.

С неохотой все же села на кровати, потянулась и, не обращая внимания на полуголодного мужа, по телу которого стекали мокрые капли, пошла на кухню разогревать вчерашний ужин.

А что? На завтрак самое то.

Когда все было готово, я заглянула в коробку, где проживала новоиспеченная мамочка: все спали.

Хорошо. И я пойду обратно в кровать.

Лишь моя голова почувствовала подушку, я тут же начала уплывать в сон. Чересчур сильно устала, да и спала-то меньше часа всего, но все же заставила себя собраться, чтобы не уснуть. Нужно дождаться мужа.

Через десять минут вторая половина кровати прогнулась и Антон, забравшись под одеяло, лег ко мне спиной. Я набрала в грудь побольше воздуха и, решившись, провела ноготками по мощной спине мужа. Затем поцеловала его плечо, поднялась поцелуями вдоль шеи.

– Вика, прекрати, – прохрипел Антон.

– Ну милый, ну обрати на меня внимание.

– Вика, – сказал он более грубо и повел плечом, пытаюсь избавиться от моих все более настойчивых поцелуев. – Я только с дежурства.

– Тоша, ну я же знаю, что ты спал в приежке. – Я подобралась губами к его ушку, не переставая оглаживать рельефный живот. – У меня сейчас середина цикла, давай попробуем еще...

Я даже договорить не успела, как муж резко перевернулся, опрокинул меня на спину и прижал мои руки к кровати.

– Сколько раз тебе нужно повторить, Вика, чтобы до тебя дошло? – зло прошептал он. – У меня уже в печенках сидят все эти твои закидоны с таблеточками и подсчетами дней в цикле. На-до-ело.

Он уткнулся лбом в мой и посмотрел на меня тяжелым, пугающим взглядом. По спине побежали мурашки, а слезы были готовы вот-вот пролиться. Я прикрыла глаза, сдаваясь, и обессиленно прошептала:

– Я поняла. Отпусти, пожалуйста.

Муж, ругнувшись, лег обратно на свою сторону кровати и, натянув на себя одеяло по самую макушку, собрался спать. Я же, чтобы не позориться своими всхлипами, которые сдерживать было уже просто невозможно, быстро поднялась с кровати и пошла на кухню заварить кофе.

Нужно было взбодриться. Просто жизненно необходимо.

Я задумчиво смотрела в окно, медленно попивая горячий напиток, и пыталась понять, когда моя жизнь стала каким-то жалким подобием, корявой карикатурой на счастливый брак.

Мы жили на таежной заставе уже почти год, и все бы ничего, но я с каждым днем все сильнее и сильнее сходила с ума. Мне было душно на этой маленькой территории. Мне было скучно, ведь из-за отсутствия сотовой связи и интернета я и работать не могла. Смотрела сериалы, вышивала крестиком и собирала соседские мозаики.

Сосед. Единственная моя отдушина в этом месте. Мой одноклассник и начальник заставы, Калинин Роман. То, что мы очутились здесь одновременно, оказалось стечением обстоятельств и невозможным подарком судьбы. Я обожала Ромку, в далеком детстве даже была влюблена, но потом все эти глупости выветрились из моей головы, а дружба, настоящая крепкая дружба на века, осталась.

С каждым проведенным днем рядом с ним я начинала задумываться о том, что сильно погорячилась, выбирая мужа. И нет, дело было вовсе не во вновь всплывших чувствах к Роману, дело было в сравнении. Я каждый день видела идеальный образчик настоящего мужчины и его не менее мужественные поступки и лишь оболочку такого же идеального мужчины, который на деле оказался...

А впрочем, какая разница, кем он оказался, это все лирика. Каким бы он ни был, это мой муж, которого я когда-то до безумия любила. Возможно, уже не так сильно, как четыре года назад, но все же...

Ненадолго прикрыла глаза, пытаясь погасить в себе чувство сопротивления. “Все хорошо, Вика, все как надо. Вот пропьешь еще один курс таблеток, и даст бог вам ребеночка, а тогда все наладится и не останется времени ни на какие глупости”. Все чаще я шептала эти слова как мантру, надеясь на чудо.

Чудо, которого не случилось из года в год.

Позавтракав, я надела теплую мохнатую шапку из лисы, такую же рыжую, как и мои длинные волосы. Пожалуй, они были единственной деталью, которую я действительно в себе любила. Чрезмерную худобу и слишком высокий для девушки рост я ненавидела. Да, для моделей метр восемьдесят – это подарок небес, для меня же это сущее наказание. Натянула валенки и розовый яркий пуховик и, достав из ведра мусорный пакет, пошла выносить его на помойку. Уже выйдя из подъезда, заметила соседа, спешащего на работу.

– Ром!

Калинин остановился и, увидев меня, решил сделать крюк и проводить меня до мусорного бака. Вообще, на заставе было всего три несчастных здания и пятнадцать человек, включая гражданских жен и весь личный состав.

– Как кошка? – слишком довольным тоном поинтересовался друг.

– Два котенка, всю ночь с ней просидела. Вы нашли Любу?

Беременная жена старшины, на чью помощь я вчера так надеялась, потому что у нее на глазах прошли далеко не одни кошачьи роды, пропала. Вчера вечером ее не оказалось дома – в тот момент, когда пьяный муж валялся бревном.

– Шла пешком на сосновый. Вика, ты оказалась права: она беременна была не от Андрея.

– К заму? – спешно спросила я, и Роман остановился на месте, утопая в снегу, словно ледяная статуя.

– Ты и это знала? – вытаращил он на меня свои голубые глаза.

– Скажем так, я догадывалась, – стушевалась я и тут же перевела тему: – С Настей хоть поговорили?

На лице капитана расплылась лукавая улыбка, и я поняла, что они с нашей генеральской дочкой и по совместительству лейтенантом не только поговорили, но и пришли к взаимопониманию. Это было прекрасно. Я не стала пытаться Рому, лишь стукнула кулачком в плечо в знак поддержки.

Они были идеальной парой и, что самое интересное, похожи, словно брат и сестра, один и тот же типаж. И дети бы, наверное, были у них прекрасными. Не успев нарисовать в собственном воображении розовощекого голубоглазого мальчугана, осекла себя.

Не стоит.

Ближе к обеду ко мне забежала Настя поинтересоваться судьбой общих котят, и буквально сразу после ее ухода пропал свет. А я только почистила картошку на суп. Если не успею сварить первое к тому моменту, как проснется Тоша, будет очередной скандал. Тяжело вздохнула, прикрыв лицо ладонями. Как же я устала. Просто по-человечески, по-женски устала.

Раздался требовательный стук, а мне не хотелось никого видеть, хотелось завывать в голос от той безысходности, которая травила душу изо дня в день. Стук повторился, и из-за двери послышался крик Насти. Я мотнула головой, прогоняя глупые мысли, и пошла открывать.

– Вика! Буди Антона, срочно, – прокричала заполошная девушка с бешеным взглядом.

– Нас...

– Дизеля горят, Вика... Пожар!

Глава 2

9 лет назад

Я еле подняла Антона, услышав в свой адрес пару матерных словечек, и, не дожидаясь, пока он соберется, побежала вслед за Настей будить и искать остальных.

На заставе творился настоящий хаос, никто не мог никого найти. Потушить очаг возгорания не смогли – оно и неудивительно: огнетушители оказались просроченными, а пожарный шланг порванным. Без света, не работал даже единственный стационарный телефон. Да и работает ли он когда-либо – непонятно, потому что вся техника и оружие валялись бесформенной грудой, утопая в снегу, невдалеке стояли огромные сейфы, парням пришлось потрудиться, чтобы, несмотря на дым, вытащить их из здания.

Настя уехала на личной машине старшины за подмогой, в место, где можно было связаться с начальством, а я ходила по кругу, пытаюсь понять, нужна ли моя помощь хоть кому-то.

Пожарные приехали через пять часов – тогда, когда все, что могло сгореть, сгорело, а именно деревянная крыша. Небо заволочло черным дымом, и даже на расстоянии двух метров невозможно было что-то разглядеть.

Приехавший командир сразу же отдал распоряжение увезти гражданских на ближайшую сельскую заставу, Рома тут же попросил за Анастасию – она хоть и была военнослужащей, но все же девушкой, да еще и генеральской дочерью. На сборы нам не дали и часу, и в итоге, быстро покидав в сумку все самое необходимое, я поехала с Настей и еще одной женой прапорщика на “Калинду”, где нас разместили в одной комнате с шестью армейскими кроватями. Хорошо, хоть никого постороннего к нам не подселили.

Расстелив чистое и пахнущее свежестью белье, я тут же провалилась в сон, даже не успев осознать, как устала за прошедшие сутки.

А уже утром я нашла в сумке два телефона – по запарке я, видимо, сама не поняла, как забрала из нашей квартиры не только свой сотовый, но и смартфон мужа. Телефон был мертвым, заряда не хватало даже на то, чтобы включить аппарат. Я пожалала плечами и закинула его обратно, словно предчувствовала надвигающуюся беду и пыталась всячески оттянуть неизбежное. Может, я и правда что-то чувствовала, и уже давно, потому что когда еще через день я, наконец-то зарядив телефон Антона, включила его, то попросту умерла.

Поймав интернет, телеграм мужа начал оповещать меня о новых сообщениях с неизвестного номера, переписки с которым до этого не было. Видимо, Антон замел следы, но вот сообщения и фотографии, которые приходили в течение последних трех месяцев, пока мы жили на заставе, сказали мне о многом. Например, о том, что моя жизнь фуфло.

Тонна сообщений о том, как какая-то дамочка скучает по моему горячему мужу, возможно, и не убили бы меня, но вот фотографии теста с двумя полосками, а следом и плоского живота... Именно эти фотографии превратили меня в пустую оболочку. Я не могла сделать ни вдоха, я сидела в холодном помещении огромной армейской комнаты на узенькой шконке, подобрав под себя ноги, и раз за разом пересматривала фотографии чужого женского живота, в котором жил ребенок. Ребенок моего мужа. Такой желанный и необходимый мне ребенок, который был не моим.

Меня выгнали изнутри, просто не оставив во мне ничего. Это было даже не предательство, это было что-то такое необъяснимое, чему я не способна была придумать название, потому что и думать-то могла лишь о том, что это я такая – несостоятельная, неправильная... Что это я не смогла забеременеть, потому что я ущербная, женщина, которая никогда не станет матерью. Швырнув гаджет о стену, я вытерла слезы и пошла в дежурку. Нужно было срочно поговорить с Антоном, прояснить все – возможно, это кто-то незнакомый, может, это какая-то рассылка для получения денег или еще чего. А я тут в истерике бьюсь.

После того как я попросила ненадолго отойти дежурного, набрала короткий номер для связи с нашей заставой, свет на которой к этому времени уже восстановили. Правда, отключали периодически, но сейчас мне повезло.

– Прапорщик Курков....

– Тош, как хорошо, что ты в дежурке.

– Привет, Вика, говори быстро, мы тут зашиваемся.

– Марина, – спешно протараторила я.

– Что?

– Марина Спицина, так она подписана в телеграм.

– И что?

– Ты ее знаешь?

– А что? – осторожно спросил он, а меня словно наотмашь ударили.

– Не уходи от ответа.

– Я не понимаю сути вопроса.

– Она говорит, что беременна.

– Что?

– От тебя.

– Да ну нафиг, – протянул Антон.

– Тоша?

– Не верь Вика, это все гон.

– То есть ты с ней не спал?

– Нет.

– Сто процентов?

– Слушай, Вика, я тебе уже ответил! Что ты начинаешь прикапываться ко мне?

– И ты можешь поклясться здоровьем того нерожденного ребенка? – Господи, прости меня за то, что я сказала такую кощунственную вещь.

– Вика! – прорычал Антон, он всегда реагировал так на любое обвинение, особенно когда был виноват – в таком случае он злился вдвое сильнее.

– Поклянись мне, что это не твой ребенок!

– Я не знаю! – заорал он так, что если бы я смогла, то оглохла бы, лишь бы не слышать этих слов. – Не знаю я! Довольна? Довольна, я тебя спрашиваю? Да какого хуя ты вообще в мой телефон полезла? Кто тебе разрешил?

Я поднялась с места, заткнув рот ладонью, прижала трубку к груди и случайно поймала растерянный взгляд вернувшегося дежурного. Я хотела ему что-то сказать, но получались лишь бессвязные всхлипы. Тогда, отпустив телефонную трубку, будто она была вымочена в серной кислоте, я выскочила на улицу, как была, без шапки. Добежала до курилки и начала курить одну сигарету за другой. Надеюсь успокоиться, надеюсь наполнить себя изнутри хотя бы губящим дымом никотина, но только не тем, что рвало меня сейчас на куски. Господи, за что? Меня трясло от рыданий, а я из последних сил пыталась держать себя в руках, чтобы никто не заметил, не обратил на меня внимание, не понял.

Укусила себя за средний палец, все сильнее сжимая челюсти. Мне нужно почувствовать боль. Другую боль, физическую, мне нужно перекрыть то, что происходило сейчас внутри, иначе я сойду с ума, иначе я замерзну навсегда и останусь на этой лавке на всю жизнь – памятником неудачницы, которая не смогла сохранить собственную семью. Не-нави-жу!

Как же я его ненавижу.

Хлопнула дверь заставы, и я рассеянно перевела взгляд, проследила за майором, который вышел из здания и направился к личному внедорожнику. Я вытерла глаза, увидела черные отметины туши на пальцах и, собрав снег с земли, попыталась умыться им, чтобы стереть следы потекшего макияжа. Хоть в божеский вид привести себя.

– Я на КПП, – прокричал Самойлов сержанту, открывающему ворота.

А я перестала плакать, словно, протерев лицо снегом, я в него и превратилась: такая же холодная и белоснежная от пустоты, царившей во мне. Как горсть снега, я состояла из тысячи мелких крупинок, которые могли в любой момент рассыпаться.

Машина выехала за ворота и скрылась из виду, а я продолжала смотреть ей вслед, ничего не замечая вокруг. Какое-то время спустя я достала очередную сигарету, краем сознания отметив, что та была последней. Сделала затяжку, четко решая, что мой брак окончен раз и навсегда. Именно этот момент для своего появления выбрала неугомонная Настя Ворон, которой пора бы уже стать Калининой.

Глава 3

9 лет назад

– Пойдем погуляем, поговорим, – не спрашивая меня, произнесла Ворон, и я как козочка пошла за ней.

Лишь когда мы покинули территорию, на меня нашло практически озарение. Машина Калинина стояла в гараже у майора, вот на этой машине и нужно было отправить Настю к Роме. Там как раз на ночь отключат дизеля, и будет у них суровая таежная романтика.

Вместе с планом действий ко мне пришло какое-то странное успокоение – скорее всего, временное помешательство, но все же лучше оно, чем пустое размазывание слез по щекам.

Я потянула Настю на лесную тропинку, которая выходила напрямик к КПП, мы как-то с Антоном по ней добирались до заставы, когда нас подбросили лишь до контрольно-пропускного пункта и дальше нужно было добираться своим ходом.

Так, прочь, прочь из моей головы, Курков.

Со злости на будущего бывшего мужа, что он опять появился в моей голове, я накричала на Настю, пытаясь вставить ей мозги, ведь Калинин настоящий мужик, с правильными понятиями, который скорее самого себя предаст, чем женщину, которую выбрал себе в спутницы жизни. Вряд ли Ворон прониклась моими нравоучениями, но я понадеялась, что разозлила её достаточно, чтобы Настя села в машину и уехала к моему Ромке. Пусть у них все получится.

Мы буквально за пять минут дошли до КПП, и я, не задумываясь, потянувшись к дверной ручке, крепко сжала ее и тут же почувствовала, как кто-то толкнул ее на меня с другой стороны.

Испуг до меня доходил то ли слишком долго, то ли так и не дошел вовсе. Я встретила с шоколадным взглядом Самойлова и замерла на том самом месте, по-прежнему сжимая в руках чертову ручку.

Пальцы начали замерзать от соприкосновения с холодным железом, а мы, как два идиота, продолжали смотреть друг на друга. Самойлов не был красавчиком, но что-то цепляющее в его внешности определенно было. Странно, что я не замечала этого раньше, хотя... ничего странного в этом не было. Кроме Антона я не видела ничего и никого дальше собственного носа.

Опять Курков.

Сволочь.

Не знаю, о чем думал Виталий, смотря на меня так долго, когда я по-бабски оценивала его телосложение.

Самойлов был выше и шире, чем Антон, для моих метра восьмидесяти это было идеально. Интересно, у майора есть дети? Жены вроде не было.

– Здравствуйте, Виталий, – я кротно улыбнулась, крутя в голове до конца не оформившуюся мысль, – мы тут с Настей гуляли, в магазин ходили, – выдала заранее заготовленную ложь. Мужчина быстро посмотрел на Настю, стоявшую за моей спиной, и опять перевел взгляд на меня. – Жуть просто, как замерзли, а потом увидели вашу машину. Вы же нас подвезете обратно на заставу? – протараторила и улыбнулась, вкладывая в улыбку все свое очарование, на которое была способна. Лишь бы он ничего не понял и не соскочил раньше времени.

Виталий шагнул на улицу, а я, стоя на месте, почувствовала жар, исходящий от него. Скорее всего, это тепло, выходящее из помещения, но мне в этот момент показалось иначе. Именно тогда, ощутив этот непонятный прилив жара, я поняла, что просто обязана попасть домой к Самойлову, этим же вечером, на всю ночь.

Обида мной руководила, горечь от предательства, разъедающая нутро, жажда мести или всего лишь желание обогреться в его тепле – я не знала. Да и все равно мне было на это. Я

наметила себе цель, которая казалась мне спасением из того болота, в которое меня затянул Курков.

Я отпустила ручку и, прервав наш зрительный контакт, отошла на шаг назад. Развернулась и, схватив Ворон за рукав пуховика, потащила ту к машине.

Села специально позади пассажирского сиденья, чтобы хорошо видеть водителя, и всю дорогу вела себя как полная идиотка, мило улыбалась, говорила нежным проникновенным голосом, но все же уломала майора выдать Ромину машину. Тупее предлога, чем покормить котят, просто невозможно было придумать, но мы с Настей додумались лишь до этого.

– Моя Маруська, – затараторила я, уже стоя в гараже с Роминой машиной, – это кошка. Родила котят за день до пожара, от её дон жуана, – ткнула пальцем в сторону Ворон, любующейся на шоколадный автомобиль Калинина.

– Ах вот как, – задумчиво произнес Самойлов, шагнув в сторону Насти и положив ключи ей на ладонь. – Вы тоже поедете? – обратился он опять ко мне, уже слегка недовольно.

– Нет, – твердо произнесла я и, все же не сдержавшись, тихо добавила: – Нет, нет, мне там больше делать нечего.

Настя уехала, а я, проводив взглядом удаляющийся автомобиль, мысленно пожелала им удачи. И меня отпустило, я, словно воздушный шарик, сдулась, не хотелось больше кокетничать и безмозгло улыбаться.

Повернулась к Виталию, собираясь попрощаться, мужчина же, что-то обдумывая, серьезно смотрел на меня.

– Нечего делать? – все же спросил он.

– Да, я уезжаю в город и развожусь, – честно и серьезно призналась я, потому что не сомневалась в принятом решении ни на секунду.

– Бывает, – кивнул он, а затем, улыбнувшись краешком губ, заговорщицки произнес: – Может, ко мне? Чаю теплого попьем. А то вы долго без шапки, должно быть, очень замерзли, как бы не заболеть, – покачал майор головой.

– Ко мне можно на ты, – натужно улыбнулась и согласилась на чай.

Возможно, хотя бы кружка теплого травяного напитка подарит мне необходимое сейчас тепло. Вдруг мне полегчает и грудь перестанут сковывать обручи боли, плотно спеленавшие меня по рукам и ногам и впрыскивающие своими шипами в мою кровь яд, одновременно парализующий и поджигающий мои конечности, заставляющий биться в предсмертной агонии.

Я не знала, что чувствуют люди в момент смерти, но мне каждое прожитое мгновение казалось, что именно *то самое*. Причём обычный человек имеет шанс все же скончаться и больше не жариться на адовой сковороде, а я умирала раз за разом, и, лишь ощущая необъяснимое тепло Самойлова, мне становилось хоть на чуточку, но легче.

Глава 4

Наши дни

Вдох. Удар-выдох. Вдох. Удар-выдох.левой.левой.Правой.

– Виталий Сергеевич, простите, но там ваш отец...

Правой. Правой. Правой.

Поймал грушу и прислонился к ней лбом, успокаивая дыхание. Потренировался на славу, пот стекал ручьями, но вот раздражение не проходило.

– Что? – резко спросил и приготовился терпеть слуховую пытку, ожидая писклявого голоса.

– Ваш, ваш, ваш...

– Тебя заело? Четче!

– Сергей Григорьевич звонил уже пять раз, – проямлила помощница моей помощницы. Да где же черти носят Марию Павловну?

– И? – Я все же отошел от груши, которую многие считали лишь декором в моем кабинете, и, подойдя к бару, взял бутылочку воды.

– Ну ему очень сильно надо с вами поговорить, а вы не берете трубку.

Я открутил крышечку на бутылке, и девушка вздрогнула от раздавшегося щелчка. Испуганный кролик, не иначе, еще чуть-чуть – и у нее начнет подрагивать кончик носа от страха.

– Где Мария Павловна? – задал закономерный вопрос и, поднеся бутылку к губам, начал жадно глотать воду.

Девушка округлила глаза и рот и начала шевелить губами, не произнося ни единого звука. Ну так хотя бы голова не болела.

Хотя нет, даже так, без голоса, она меня бесила. Рыжая. Я терпеть не мог рыжих. И где только тетя Маша её откопала?

Выкинул опустевшую бутылку в урну и, зайдя в отдельную зону кабинета, не предназначенную для посторонних, стянул брюки, кинул их в корзину для грязного белья, достал из шкафа чистую рубашку.

Перед тем как отправиться в душ, я все же выкрикнул:

– Я все еще жду!

– Простите! – завизжала девушка и затараторила, будто опомнившись. Да что за нафиг, она еще и частит в своей речи. Как же меня это раздражало. Двойной комплект – нате, пожалуйста.

– Мария Павловна поехала в вашу новую квартиру, на встречу с дизайнером.

– Ясно. Свободна.

Послышались шаги, а я стоял и отсчитывал секунды, когда же до девчонки дойдет. Дверь приоткрылась, секунда, вторая, третья...

– Виталий Сергеевич! – А затем топот ног, и вот девушка забежала в мое личное помещение и опять замерла каменным изваянием, уставившись на меня, стоящего в одних боксерах.

Детский сад. Ясельная группа. Я поднял брови, поторапливая безмозглое юное создание.

– Ваш отец – что ему сказать? Почему вы не отвечаете на его звонки?

– Ничего.

– Как это? – выпучила на меня свои голубые глаза девчонка. Хорошо, что не карие, против голубых глаз я ничего не имел.

– Просто не берите трубку, Инна.

– Я Иоанна, – ошетинился этот рыжий заяц. Кто придумывает своим детям такие имена? До образа, который ассоциировался с Иоанной, этой пигалице как до луны пешком.

Проигнорировав недовольство своей помощницы, я зашел в ванную комнату и плотно прикрыл дверь.

Уволить бы к чертовой бабушке, да тетя Маша не даст. Доставшийся мне по наследству от отца бессменный секретарь. Какие функции она только не выполняла за последние сорок лет, разве что только любовницей моего отца и не была, потому-то и задержалась так надолго.

Уже выйдя из душа и переодевшись, я все же позвонил отцу.

– Сын, так не делается.

Приготовившись слушать, я закинул ноги на чёрный глянцевый стол. Каждый раз, вспоминая о том, что мебель в кабинете выбирал еще мой отец, я испытывал особое моральное удовлетворение от такого нехитрого действия, как положить...хм... в общем, не важно, что и куда я клал...

– Я полдня дозвониться до тебя не могу. Почему ты мне не рассказал, как прошла встреча с Хапримовым?

– Ну-у-у, наверное, потому, что ты отошел от дел, отец.

– Виталий, не хами мне.

– Давай я уже сам разберусь, в конце концов, сколько можно? Ты прикинулся практически трупом, чтобы я бросил все и приехал, и теперь что?

– Виталий!

– Труп-то ожил и пытается отжать свой бизнес обратно, а мне куда деваться, папочка? Меня в армию обратно не возьмут, стар я, папочка.

– Ты издеваешься? Я тебе и так столько времени дал на эти военные глупости, с семнадцати тебя, Вет, не трогал, а сейчас прости, но старческая немощь – она такая, – съязвил отец, и мне даже стало стыдно, лишь самую малость.

Этот старик даст фору любому молодому мужику, но все же четыре года назад напугал он меня знатно. Отец загремел в реанимацию, а мать чуть не сошла с ума, тогда-то мне и пришлось распрощаться со службой, не дослужив до максималки всего ничего.

– Все путем, пап. Хапримовский не лезет в наши разборки с Игнатовым, мы не лезем и не претендуем на участок Судака.

– Ты ему веришь?

– Нет. – В этой жизни даже отцу верить было нельзя, что уж говорить о конкурентах, хоть и не прямых. – Но в любом случае первый ход за ним. Так что, если он не выполнит свое обещание, мы заберем участок Судака себе. Только имущество Судакова нам совсем не встало, но куда деваться.

– Так уверен?

– А то, – усмехнулся и встал из-за стола.

Подошел к панорамным окнам: вся Москва как на ладони, даже жилой комплекс с моей квартирой можно было разглядеть. Съездить, что ли, посмотреть, какого чудо-дизайнера выбрала Мария Львовна, а то очередного английского сноба я просто не переживу.

– Папа, если у тебя все, то я съезжу на квартиру.

– Нет, у меня не все, – жестко проговорил отец, – когда вы с Мирославой уже порадуете нас?

– Никогда, папа. – Я с тоской глянул на грушу.

– Виталий, мне не нравятся такие разговоры.

– А мне не нравятся твои попытки управлять моей жизнью, мне тридцать девять, отец, и я уже большой мальчик.

– Знаешь, по тебе не заметно. Мне седьмой десяток, а у меня до сих пор внуков нет, о правнуках я и вовсе не мечтаю, Виталь.

– Вот только не надо сейчас про Станислава Владимировича, – вспомнил я сразу про давнишнего друга отца и отца Мирославы, у которого лишь она одна была такой же непуте-

вой, как и я. Все остальные отпрыски друга отца давно пристроены, и, если я не ошибаюсь, в наличии у него имелось аж пять правнуков. – Надо было детей больше рожать – все, что могу тебе сказать, отец.

Посмотрел на часы – судя по всему, встреча с дизайнером скоро закончится. Этот факт меня расстроил, сам не понял почему, но мне захотелось успеть.

Быстро распрощавшись с отцом, я поехал к жилому комплексу. Прекрасное место – хоть зелень есть. После стольких лет жизни на таежных заставах мне вид елок был необходим так же, как и воздух. Подмосковный дом у нас был рядом с лесами, но дорога до него отнимала такое драгоценное время, и с каждым днем становилось все неудобнее ехать в такую даль.

Мои двухуровневые апартаменты располагались на последних этажах и начинались сразу же из дверей лифта. И вот створки распахнулись, а у меня случилось чертово дежавю.

Однажды со мной уже такое было: я выходил из помещения, а с другой стороны за дверную ручку держалась рыжая стерва. Женщина с ореховыми глазами, которые прошили все мое нутро одним лишь взглядом.

Сердце сбилось с привычного ритма и, кажется, начало болеть – надеюсь это не сердечный приступ или что-то типа того, все же возраст давал о себе знать. Не хотелось взять сейчас и свалиться к ее ногам, хотя ореховые глаза продолжали искушать. Вика смотрела на меня с испугом, а я жадно впитывал в себя все изменения, которые с ней произошли за эти долгие девять лет. Виктория по-прежнему была похожа на белочку, теперь еще сильнее: с черными волосами – дальневосточная темная белка. Один в один.

Годы не пошли ей во вред, такая же стройная, высокая, ухоженная и красивая. Сколько ей? Должно быть уже за тридцать, чего абсолютно не скажешь. Светло-фиолетовый деловой костюм делал её похожей на девочку. Красивую и безумно притягательную девочку.

Одни глаза чего стоили. У меня опять закололо сердце, и я отвел взгляд от греха подальше. Кашлянул и вышел из лифта. Виктория молчала, а я не смог сдержать ухмылки, когда заметил, каким восторженным взглядом смотрела на нас тетя Маша. Еще одна рыжая стерва на мою голову. Ну ничего, с Марией Павловной я еще разберусь, а сейчас нужно использовать положение на полную катушку.

Предвкушающе растянул губы в улыбке и протянул Виктории руку для приветствия.

Глава 5

Девушка кивнула и вложила в мою ладонь свою, мягкая и такая же холодная, как и чертову тучу времени назад. Мой мозг зашвырнул меня в воспоминания, которые я из года в год пытался забыть и в то же время с удовольствием смаковал каждый раз, когда одиночество ощущалось особенно остро.

* * *

9 лет назад

– У вас однушка? – В удивлении девушка зависла, так и не сняв второй валенок с ноги.

– Да, и ко мне тоже можно на ты, Вика. – Я опустил на колени и, пока она не успела ничего понять, помог ей разуться.

Сжал в ладонях тонкую стопу в шерстяных носках с нарисованными на них новогодними белочками и понял, что влюбился. Вот так, в один момент. В миллисекунду. Стоило только ощутить, насколько холодными были ее ноги, как внутри меня все взорвалось. Захотелось закричать, стянуть носки с белками, так похожими на свою хозяйку, и растирать заledenевшие ноги, пока они не станут теплыми, а потом прижать девушку к своей груди и непременно зарыться носом в ее волшебные волосы цвета красного золота. Мне до одури хотелось узнать, как они пахнут. Мне хотелось вдыхать аромат женщины, которая будила во мне неизведанные первобытные инстинкты.

Прикрыл глаза, пытаюсь осадить то, что неожиданно проснулось и набирало обороты с каждой секундой. Потому что нельзя так. Я напугаю Вику, особенно если начну стаскивать с нее носки.

– На тебя похожи, – сипло сказал я.

– Что? – тихо произнесла Вика, и я наконец-то посмотрел на девушку, по-прежнему сжимая ее ногу. Куркова обняла себя за плечи и смотрела на меня потерянным взглядом. Будто не видела ничего перед собой.

Я опустил девичью ногу и, встав, помог Вике подняться.

– Белки. Пойдем на кухню.

Белочка присела за барную стойку, а я поставил чайник. Включил телевизор, который висел на стене, потому что тишина, царившая на моей кухне, отдавала замогильным холодом.

– Ты сам ремонт делал? – спросила Вика после нескольких глотков чая.

– Ну не государство же, – усмехнулся я и сел напротив, поставив на стойку вазочку с печенюшками, – это единственное, что у меня есть к чаю. Зато могу предложить бутерброды с ветчиной, колбасой вареной и копченой, и еще у меня есть котлеты.

Вика рассмеялась и покачала головой, а меня волной тепла обдало, стоило только услышать её смех.

– Не жалко? – задумчиво спросила девушка.

– Чуть-чуть. Знаешь, эти котлеты такие вкусные, а завозят их в село всего раз в неделю.

На этот раз девушка засмеялась громче, а когда успокоилась, посмотрела мне в глаза: в ее взгляде больше не было той необъяснимой тоски и опустошенности, там были огонечки.

– Я о ремонте, – улыбнувшись пояснила она, хотя я это и так прекрасно понял, но не попытаться разрядить обстановку просто не мог. – Сколько ты уже здесь живешь?

– Три года, почти.

– Значит, скоро уже переведут.

Я кивнул и пояснил:

– В следующем году в Москву на полгода на учебу, потом звезды и обратно, но, конечно же, не сюда.

– Вот кому-то повезет. – Вика откусила печеньюшку и огляделась по сторонам.

Она была права: очередь на мою квартиру пытались забить уже сейчас, хотя до отъезда мне как до луны пешком.

– Согрелась? – спросил сразу же, как она допила чай, и тут же взял в руки ее ладонь. Пальчики были по-прежнему холодными.

Вика смущенно улыбнулась и виновато покачала головой.

– Ну ничего! – Я провел большим пальцем по ее запястью, наслаждаясь бархатом фарфоровой кожи, и нехотя отпустил ладонь девушки.

Поднялся из-за стола и, достав бокалы, налил нам виски.

– Тяжелая артиллерия. Была бы водка, предложил бы ее – говорят помогает согреться, – но увы.

Я картинно вздохнул и, сев опять напротив девушки, приподнял бокал, затем отпил янтарную жидкость.

– Ты действительно больше не поедешь на Ольховскую?

Не сказать, что меня особо волновал этот вопрос. Как там говорится – “муж не стенка – подвинется”, так что за этим дело не стояло. Но мне была интересна Викина реакция, которая не заставила себя ждать. Белочка стала ежиком, насупилась, запыхтела, допила залпом все, что было в бокале, и, поставив передо мной пустую тару, многозначительно на нее посмотрела.

– Нет, даже кошку забирать не буду, потому что она не моя, – пожала плечами девушка и, сложив руки в замок, потянулась.

А я не смог отвести взгляда от ее груди, на которой сейчас натянулся свитер, просвечивая фиолетовое.

Фиолетовое, мать его, белье!

Тут же соскочил со стула и налил нам с ней добавки. Все, на этом и остановимся. Не хотелось бы завтра собирать по крупицам остатки сегодняшнего вечера.

– Спасибо, – задорно улыбнулась моя гостья и опять залпом выпила все, что было.

Сумасшедшая!

Я подумал, она сумасшедшая? Нет, она нездоровая, однозначно.

Рыжее искушение протерло губы и стянуло с себя свитер, вот так запросто. Девушка взялась тонкими пальчиками за шерстяную ткань и в считанные секунды осталась без кофты. На Вике действительно был фиолетовый лифчик, ажурный, из тонкого кружева, через который отчетливо виднелись затвердевшие соски.

Я сглотнул, сделал шаг в сторону девушки, а она завела руки за спину и щелкнула застежкой белья.

– Не делай это, – попытался остановить ее, пока она не отпустила руки и не случилось непоправимое.

Но куда там.

Виктория нагло улыбнулась и избавилась от фиолетовой части своего белья.

Её грудь была идеальной: аккуратная, округлая, с дерзко торчащими розовыми сосками. Белоснежная бархатная кожа и подтянутый натренированный живот, вдоль ребер с правой стороны была татуировка – непонятная вязь то ли из надписей, то ли из цветов, уходящая своим рисунком аккуратно под джинсы.

Лишь какое-то время спустя я понял, что как какой-то малолетний придурок пялился на Викторию. Поясницу сводило, а член стоял колом. Ладони горели, а дыхание сбивалось.

Ведьма.

Я с трудом перевел взгляд на телевизор, пытаюсь успокоиться и отдышаться. Все же, пройдя практически треклятое испытание на выдержку, отвернулся от девушки и вышел из кухни.

Нет, так дело не пойдет.

У меня месяц не было женщины, и, когда меня вот так вот откровенно провоцировали, сдерживаться было до невозможного трудно.

Зашел в ванную и умылся. Надо представить что-то такое, что может отбить желание напрочь.

Но что?

Когда перед глазами до сих пор стояли Викины соски. Интересно, какие они на вкус?

– Зачем ты сбежал? – тихо шепнула Вика, зайдя следом за мной.

Дура!

Я обернулся, собираясь высказать ей все, что думал о таком идиотском поведении, чтобы к чертовой бабушке отбить желание попусту дразнить меня.

И понял, что не сдержусь. Потому что я был готов кончить, увидев голую женщину, твою мать.

Идеальную голую женщину. Она стояла передо мной абсолютно нагая и переминалась с ноги на ногу, а я, жадно изучая её тело, плавно приближался к ней, наслаждаясь тем, что видел.

Вика сама напросилась. Разве от такого лакомства можно было отказаться?

Я подошел к девушке и дотронулся до татуировки, очертил ее рисунок, спускаясь пальцами вдоль по телу Вики. Белочка вздрогнула, а я не выдержал и, крепко схватив ее за шею, притянул для поцелуя.

Как же охуенно она пахла. Орехами. Лесными орехами, такими же, как и ее бездонные глаза. Ну точно белка. Уже ни о чем не думая, я закинул ноги девушки себе на талию и пошел с ней к кровати. Врезался плечом в дверной косяк, и Вика, оторвавшись от моих губ, рассмеялась и облизала место удара.

Крышу снесло.

Опрокинул свою добычу на кровать и начал осыпать ее тело поцелуями, сдирал с себя одежду и не мог понять, куда и почему я так торопился.

Обвел языком впадинку пупка, затем поспешил к ребрам и приник губами к цветам на ее теле – вблизи было понятно что это множество переплетенных между собой стволов и нераскрывшихся бутонов. Я понятия не имел, что значило это тату, но оно сводило меня с ума. Я проводил языком по каждому завитку и чувствовал, как дрожу. Это было словно наваждение. Ни разу в жизни ни одну женщину я не хотел настолько, что, казалось, сдохну, если не возьму ее, не войду в нее, не наполню своим семенем, чтобы раз и навсегда пометить, застолбить, присвоить.

– Вот так, раздвинь ножки. Умница.

Викина татуировка заходила ей на лобок лишь одним бутоном с фиолетовыми лепестками и шла дальше, к внутренней стороне бедра.

Безумие.

С одного-единственного тягучего, как шоколадная патока, орехового взгляда.

Настоящее помешательство.

Спустившись до самых краев ее тату, я уже собирался попробовать Викторию на вкус, но она начала хныкать и, вцепившись в мои плечи, а затем и волосы, потянула к себе.

Она была как дикая кошка: обнимала меня, впивалась когтями, царапая мои руки и спину, и целовала так, словно чувствовала то же самое, что и я. В ее жалящих поцелуях ощущалась та же адская потребность освобождения, которая причиняла нам обоим боль.

Когда уже не оставалось никаких сил терпеть, я отстранился и, не отрывая взгляда от ее лица, вошел в нее, сразу на всю длину.

Белочка закатила глаза, потом, и вовсе зажмурившись, громко простонала, я почти полностью вышел из нее и опять с силой толкнулся бедрами, возвращаясь в этот узкий рай. Вика распахнула ресницы, посмотрела на меня своим затуманенным ореховым взглядом и, обхватив ладонями мое лицо, потянула еще ближе к себе. Я хотел поцеловать ее, но Вика не далась, провела языком по моим губам, подбородку, шее и, когда я отдался во власть ее порочного язычка, укусила меня больно за плечо.

Я схватил ее за скулы, отрывая от себя, Вика часто дышала и провоцирующе улыбалась. Поняв ее намек, я провел по ее губам большим пальцем и, засунув его ей в рот, начал двигаться.

Сначала пытался сдерживаться, но, когда она, пососав мой палец и прикусив его зубами, начала играть с ним языком, я не смог. Маниакальное желание разрывало меня, а страсть оказалась всепоглощающей. Я превратился в одичавшего зверя, который не видел ничего и никого, кроме своей добычи.

Быстро и мощно двигаясь в ней, я испытывал первобытный кайф, скручивающий внутренности.

– Прости, прости, – хрипло и запинаясь шептал я.

Извиняясь не за резкие и быстрые толчки, а за то, что мог вот-вот кончить.

– Ты такая... Боже, какая же ты сладкая...

Прикусил ее язык и провел по нему своим. Разрядка была уже на подходе, когда Вика впилась в мой зад ногтями.

– Вет, вет, пожалуйста... ох, да, еще чуть-чуть, пожалуйста.

Да, да. Хорошая моя. Еще.

Я ускорился.

– А-а-а-а... – простонала она мне в губы.

И я, крепко сжав стройные бедра, через несколько резких, ощущавшихся до преступного остро толчков кончил в Вику под звуки ее криков. Как же громко и восхитительно она стонала.

Не сдерживаясь.

Она прижималась ко мне, словно стала второй кожей, а я был счастлив. Я был чертовски счастлив.

Как обнюхавшийся валерьянки кот, сжимал в своих объятиях женщину, до сих пор вздрагивая, терся носом о ее золотые волосы и сам себе завидовал.

Глава 6

9 лет назад

Впервые за долгое время я выпалась. Потянулась, наслаждаясь приятной мышечной болью во всем теле: как же хорошо! Потерлась носом о теплое мужское плечо и чуть не заурчала: мужчина, так изумительно пахнущий, что-то рыкнув, притянул меня к себе, практически распластав на своем теле. Вот тогда-то я и открыла в ужасе глаза. Рука, обнимающая мою поясницу, была намного больше, чем у Антона, а грудь, к которой я сейчас плотно прижималась носом, намного шире.

Господи, Вика, о чем ты думаешь? Набрала побольше воздуха и сосчитала до десяти. Успокоиться, самое главное сейчас – успокоиться. Приподняла голову: Самойлов безмятежно спал, только вот рука его продолжала меня сжимать так, словно я кусок мяса, того самого последнего мяса, который человек съедает перед тем, как стать вегетарианцем.

Вика, куда тебя опять понесло? “Арррр” – мысленно прорычала, потому что не дай бог хоть пискнуть в голос. Мужчина мог проснуться. И тогда случился бы криндец, катаклизм мирового масштаба.

Я сосредоточилась и, прогнувшись в спине, завела обе руки назад. Этот трюк дался мне нелегко, но отцепить мужскую ладонь, которая к тому моменту съехала на мою попу, у меня все же получилось. Следующим уровнем в квесте “покинуть кровать Самойлова” значилось “незаметно слезть с мужчины” – тут я просто быстро соскочила и подсунула ему подушку. Была уверена на сто процентов, что не поможет и все эти подмены с подушками лишь киношный трюк, но мужчина, к моему удивлению, обнял пуховый Вика-заменитель и даже уткнулся в него носом.

Ты же моя зая.

Поймала себя на том, что засмотрелась на Самойлова. Он был таким... Слово, определяющее мою тягу к нему, долго крутилось в голове, пока я рассматривала широкую грудную клетку, накачанные длинные ноги и хмуро сведенные темные брови.

Он был уютным. Если отбросить все то, что бушевало у меня в душе, то, чему я не давала сейчас прорваться и добраться до моей головы. Без всего этого мне было хорошо рядом с Самойловым.

Только вот я уже чувствовала, как волнами на меня накатывало осознание случившегося и отрывками приходила память вчерашнего дня, память последних четырех прожитых лет. И пока та сумасшедшая боль не подкосила меня окончательно, нужно рвать когти и бежать так, чтобы пятки сверкали. Далеко-далеко. Подальше от всех представителей мужского пола.

Последний раз оглянулась на мирно спящего мужчину и пошла на кухню собирать свои вещи.

Настенные электронные часы показывали четыре тридцать утра – вот тебе и выпалась. Я проверила смартфон – заряда почти не было, нужно быстрее сматываться.

На заставе в это время спал даже дежурный, недаром говорят, что основная доля преступлений совершается именно в предрассветные часы. Я поднялась в отведенную нам комнату и, тихо покидав вещи, поспешила за территорию, по вчерашней тропинке на КПП. Сельские должны ехать в город на работу, и мне необходимо уехать с ними.

И лишь когда в девять утра я, стоя на вокзале, держала в руках билет на ближайший поезд, на меня опустилась вся тяжесть произошедшего.

Дура. Какая же дура.

Чем я теперь лучше Антона? Да ничем. Мне было тошно от самой себя – и в то же время мерзко мне не было. Стоило только на мгновение погрузиться в воспоминания о вчерашнем вечере, как мои щеки опаляло жаром, а по телу бегали мурашки.

Самойлов оказался великолепным партнером.

Ведь я передумала, еще стоя возле гаража, и не хотела больше тащить мужчину в постель. Но потом все изменилось в полярную сторону. Я подняла разговоры за жизнь, а Виталий предложил выпить.

Алкоголь – это зло. Кто бы сомневался, уж точно не я. Но пара бокалов виски с колой открыла во мне второе дыхание. Я вспомнила, что женщина. Красивая, молодая женщина, которую обидели, и мне почему-то захотелось доказать всем на свете, что это не я такая, а *они* такие.

В конце концов, не зря со школы меня дразнили рыжей стервой, нужно же было хоть иногда соответствовать такому достойному званию. Так я думала вчера после виски, разбудившего бурю в моей крови и погасившего пожар моего отчаяния. Сегодня же я сходила с ума оттого, что позволила себе такую выходку.

Я ехала в плацкартном вагоне поезда домой, практически без вещей, и смотрела на уплывающие от меня пейзажи. Вот так просто за своей спиной я оставляла целый пласт своей жизни и не могла понять, хорошо это или плохо.

То, что мое сердце разбито и я вышла из этого брака далеко не победителем, – это, конечно, плохо, но вдруг это все было толчком? Тем самым толчком для меня, благодаря которому я наконец-то покину то болото, которым давно уже был наш брак с Курковым. Ведь не зря же нам бог не давал детей? Не просто так? Возможно, нам действительно было не по пути еще с самого начала. Слишком мы разные.

Слез больше не было – казалось, все, что смогла, я выплакала еще вчера. Я смотрела на заснеженные ели и думала о том, что найду наконец-то работу – ту, о которой мечтала еще со школы. А потом усыновлю малыша. Девочку. Обязательно. Маленькую лялечку, которую буду любить, оберегать и растить.

На железнодорожный перрон родного города я ступила уже обновленным человеком. Я больше не тосковала о потерянном с мужем времени. Я больше не страдала от предательства, я даже ненавидела Куркова уже не так сильно. Меня не грызла вина за то, что я развела на секс ни в чем не повинного мужика и бросила. Где-то глубоко внутри я ощущала, что это неправильно и так быть не должно, но мне чересчур понравилось быть такой: холодной, отстраненной и чуточку пустой.

Глава 7

Наше время

Моя ладонь утонула в его мощной и теплой руке, а сердце перестало биться, оно затаилось в ожидании. Ожидании чего-то нехорошего. Чересчур самодовольной была улыбка майора, который уже, наверное, давно и не майор, да и вряд ли по-прежнему офицер.

– Виктория, правильно? – прозвучал низкий хриплый голос, а я часто-часто заморгала.

Не может быть. Мужчина смотрел на меня испытующе – неужели не узнал? Ну не могла же я настолько измениться.

Я кивнула.

– Ко мне можно просто Виталий, без прочего официоза. – Видимо, могла... – Надеюсь, вы и правда специалист высокого уровня и удовлетворите все мои желания.

Я поперхнулась от его последних слов, уж очень они двусмысленно звучали. Пожелания, он должен был сказать пожелания – неужели оговорка?

– Простите, – произнесла, откашлявшись, и наконец-то выдернула руку из его ладони, больше напоминающей медвежью лапу. Она была как три моих.

Какой же Самойлов большой, я почти забыла... Почти...

– Я тоже надеюсь, что не подведу вас. И ваша квартира будет выглядеть так, как вы того и желаете, но сейчас, простите, я очень тороплюсь. Я пойду?

Я начала задыхаться.

Рядом с ним не хватало кислорода. Мужчина приподнял левую бровь, пару секунду гипнотизировал меня взглядом, словно пытался произнести мысленно какой-то приказ.

Узнал? Неужели все же узнал?

Нет. Нет. Лишь бы он так и не вспомнил, слишком некрасиво я с ним поступила девять лет назад.

– Что ж, – задумчиво кивнул Виталий и все же вышел из лифта, – идите, Виктория.

Я быстро шагнула в большую зеркальную кабину, пытаюсь до последнего держать себя в руках. Пальцы подрагивали от волнения, и я вцепилась в тяжелый и толстый контракт, прижала его к своей груди, словно утопающая, хватающаяся за последнюю надежду.

Спасательный круг. Только в моем случае этот контракт был камнем, тяжелой металлической цепью, опутавшей меня по рукам и ногам и тянущей ко дну.

Виталий отвернулся и пошел в глубь апартаментов, но перед тем, как створки лифта закрылись, я успела заметить странный взгляд Марии Павловны. Женщина смотрела на своего начальника как-то озадаченно, слегка непонимающе, как будто ждала от него чего-то другого.

Странности, да и только.

Я на всех парах выбежала на улицу. Села в машину и, лишь вывернув за территорию этого комплекса и проехав еще двадцать минут в сторону дома, припарковала машину. Растерла ладонями лицо и попыталась собраться с мыслями.

Выходило с трудом.

Самойлов Виталий. Виталий. Мой новый заказчик. Мой случайный и, пожалуй, самый лучший любовник. Человек, спасший мне жизнь и психику. Мужчина, который, несмотря ни на что, пытался меня найти.

Ромка уверял, что я запала Вету в самое сердце, сама же я понимала, что тот просто хотел меня убить. Ведь вела я себя в тот знаменательный вечер, мягко говоря, непозволительно. Использовала двухметрового дяденьку и сбежала.

Так. Ладно.

Легонько постучала себя по щекам – надо собраться и взять себя в руки. Ничего страшного не случилось. Виталий не узнал меня – это однозначно к лучшему. Еще бы понять, что он забыл в Москве и откуда у него столько денег.

Посмотрела в зеркало заднего вида: мои глаза светились сумасшествием, как будто я нюхнула чего-то неположенного.

Помахала у лица этим чертовым контрактом и, отбросив его на соседнее сиденье, завела машину. Через два перекрестка я, не сдержавшись, обругала сама себя матами.

Ехала я не туда. Нужно к Раисе.

“Успокоиться! Взять себя в руки!”

Вбила в навигаторе нужный адрес, чтобы совсем точно и без промашек добраться до квартиры Расимовых.

Раиса была в приподнятом настроении, так же как и ее сын, чего не скажешь о Еве: та через губу попрощалась с женщиной и, показав Ринату, пока его мать смотрела на меня, некультурный жест из трех пальцев, схватила меня за ладонь и потащила на выход.

– Ева, а если бы Раиса заметила? – спросила я, уже сидя в машине.

– Мамочка, ты о чем? – рыжий демоненок превратился мгновенно в голубоглазого милого ангелочка.

– Ева, я видела, как ты попрощалась с Ринатом. Это дурной тон, – встретила взглядом с дочерью в зеркале.

– Пф-ф-ф, – протянула дочка, – было бы перед кем стесняться! Расимов сам бескультурный и невоспитанный.

– Ну и чего такого невоспитанного он опять сделал? – Я с трудом сдержала улыбку, хоть и понимала, что дочь надо отругать, но не могла. Я с особым удовольствием слушала все новости об их непрекращающихся пакостях друг другу.

Ева насупилась и отвернулась к окну, а я перевела взгляд на дорогу.

– Я завалила из-за него математику, – выпалила на одном дыхании дочка.

– Как это?

– Он дал мне списать! – выкрикнула Ева, а голос дочери начал подозрительно дрожать.

– И? Бельчонок, что дальше? У него были ошибки? Ты из-за этого расстроилась?

То, что дочь написала контрольную по математике на натянутую, слабенькую троечку, я узнала еще раньше нее. Но я и предположить не могла, что Ева так расстроится, ведь плохие оценки по математике – это наша обычная практика, ничего нового и удивительного.

– У него не было ошибок! Он написал на пять! На пять с плюсом, мама. – А вот это уже интереснее.

– Хочешь сказать...

– Да, да! Он специально дал мне списать с ошибками, а потом все исправил. А я только подумала, что он настоящий, надежный мужчина.

– Ева!

Я громко рассмеялась – ох уж эта детская непосредственность. Как можно одновременно в чем-то быть совершенно несмышлёным дитём, а в чем-то – взрослым и разумным человеком, со своими взглядами на жизнь. Удивительно.

– Ринат не мужчина, он мальчик, он даже младше тебя, если ты не забыла. Так что ты должна делать скидку на это. Тем более я тебе уже сколько раз говорила, что мальчики взрослеют в разы медленнее девочек.

– То есть мне терпеть его выходки, пока он не повзрослеет? – успокоившись, спросила дочь.

Я тормознула на светофоре и повернулась к Еве, она смотрела на меня серьезными заплаканными глазами. Родная моя маленькая девочка, как же не хотелось ее расстраивать и разо-

чаровывать, что списанная контрольная с ошибками и краска на стуле – это такие мелочи по сравнению с тем, что нам, женщинам, действительно приходится терпеть от мужчин.

Быстро-быстро заморгала, чтобы прогнать всплывший перед глазами образ бывшего мужа. Можно ли простить предательство? Хотя когда-нибудь? Ведь есть на свете женщины, умеющие прощать или хотя бы отпускать. Я отпустила, переступила через него, но не простила до сих пор, потому что ненавижу. Смотрю каждый раз в голубые глаза Евы и люто ненавижу Антона за то, что все *так*, а не иначе.

– Родная, попробуй не реагировать на него. Увидишь, он сначала начнет пакостить еще сильнее, но потом ему это надоест. И не придется ничего терпеть.

– Думаешь?

– Белочка, я уверена, – натянуто улыбнулась, отгоняя прочь никому не нужные воспоминания, и, переключив скорость, тронулась с места.

В моей жизни давно не было места для Куркова. У меня не было даже лишней секунды, чтобы думать об этом призраке прошлого. Тем более сейчас, когда на горизонте появился еще один призрак. Надо выяснить, что Самойлов забыл в столице. Позвоню Калининым, они-то уж точно должны знать все подробности. Непременно так и сделаю, помогу Еве с контрольной работой над ошибками и засяду за свою собственную. Работу над ошибками прошлого.

Глава 8

Наше время

Настин телефон был вне зоны действия сети, и я набрала по памяти номер своего школьного друга – это было быстрее, нежели я бы начала рыться в контактах.

– Да, – послышался хриплый голос на том конце провода. Я глянула на часы: на Дальнем Востоке было одиннадцать вечера, неужели Калинины уже спали?

– Разбудила?

Насыпала две ложечки кофе в чашку и залила кипятком растворимый напиток.

– Вик, одиннадцать ночи, как ты думаешь?

Я присела на высокий стул у барной стойки и, закинув ноги на соседний, чтобы было удобнее, начала допрос.

– Где жена твоя?

– В Китае.

– Я же серьезно спрашиваю, – показательно надула губы, как будто Калинин мог разглядеть мое выражение лица, несмотря на разделяющие нас тысячи километров.

– И я серьезно, Вик, – тяжело вздохнул Роман и чем-то звякнул. Неужели тоже кофе решил попить? – Уже неделю как забрала детей и свалила.

– Ты меня сейчас пугаешь.

– Я сам себя пугаю, Иванова. Знаешь, как похудел, даже шоколадки не радуют.

– Ро-о-о-ома, уж никогда не поверю, что Елизавета Алексеевна допустила бы твое похуждение. Колись давай! Где твоя жена?

– Говорю же, в Китае. Школа, в которой она преподает, какой-то тур устроила. Пятнадцать детей, включая наших, и три преподавателя поехали практиковать китайский.

– А тебе нельзя, – наигранно вздохнула, сдерживая смех, – вояка ты наш. Когда тебе уже на пенсию?

– Ну, минималка уже есть, но это же так, Вик, несерьезно. Рассказывай лучше, как у вас дела.

– Ром, я тебе не за этим звонила.

– Ну ты как бы могла и сделать вид, я тебе специально шанс давал, – рассмеялся Калинин в трубку.

Я провела пальчиком по краю чашки, набираясь смелости.

– Ты помнишь Самойлова?

– Вета? – настороженно спросил Роман. Я настолько явно представила его перед собой, что увидела хмуро сведенные брови и вечную складочку между ними.

– Да, начальника Калинды.

– Ну он давно не начальник Калинды, он потом, после учебы в Москве, звезды получил, и его поставили в Кастрюлино командиром. Там он, кстати, и закончил служить года три назад. А что, Вик?

– Почему закончил? Разве он настолько взрослый? Я думала, что он младше.

– У него там что-то с отцом было. Вот он и уехал – бизнес семейный принимать.

– Бизнес?

– Да, Вет не из простых был. Но никогда об этом особо не трепался.

– Понятно, – отстраненно произнесла я и, спустив ноги с соседнего стула, а затем и прыгнув на кафельный пол, пошла в коридор. Именно там, на тумбе для обуви, лежал мой контракт на рабство. Именно такая надпись сейчас мигала неоновой вывеской на нем – в моем воображении.

– Что тебе понятно, Вик?

– Что я вляпалась, очень так хорошо вляпалась, Рома. И теперь думаю, как бы выплыть и не подпалить свой рыжий хвост.

– Ты опять стала рыжей вдовой? И в какое дерьмо ты там вляпалась? Давай я тестю позвоню. Дядя Толя мигом все решит. Хотя, подожди-ка... – Ну вот, а я так надеялась, что он забудет про Самойлова. – При чём тут Вет?

Зажала плечом телефон и взяла в руки тяжеленный договор.

– Он мой заказчик. Ремонт в крутой квартире желает.

В динамике трубки образовалась мертвая тишина.

– Ром! Нечего меня пугать! Чего молчишь?

Я прошла в спальню вместе со своей ношей, совершенно позабыв о кофе, который, должно быть, уже остыл, и опустилась на кровать, кинув толстую папку рядом.

– Я думаю, он не ремонт, Вика, желает. Что угодно, но не ремонт.

– Рома, он меня не узнал! – Я легла и прикрыла глаза, восстанавливая в голове образ Виталия, его острый, слегка насмешливый взгляд. Он смотрел с интересом, изучающе, в его шоколадных глазах не было узнавания.

Наверное, не было.

– Он ослеп? – засмеялся Рома.

– Нет, слегка постарел. – Я вспомнила морщинки в уголках глаз – он, наверное, часто щурился. У рта морщин почти не было – значит, Виталий редко улыбался. Серьезный товарищ майор.

– Виктория, не разочаровывай меня. Не строй из себя святую, глупую наивность. Не мог он тебя не узнать. Ты же не меняешься, какой была во втором классе, такой и осталась.

– Спасибо, конечно. Я сделаю вид, что это комплимент. Но ты видел, как я меняюсь все эти годы. А Самойлов видел меня пару раз в жизни. Так что не придумывай глупости.

Я отмахнулась от подобных мыслей, потому что они нагоняли на меня тоску и чувство беспомощности. Ведь если Самойлов меня вспомнил, то мне даже представить страшно, что меня ожидает. Тогда вся ситуация с контрактом и ремонтом смотрелась иначе, в другом, совершенно невыгодном для меня свете.

Уже поздно вечером, уложив в кровать Еву и поцеловав ее перед сном, я засела за повторное изучение талмуда, любезно предоставленного мне Марией Павловной. У меня ушло на это три часа, и засыпала я в отвратительном настроении, потому что ощущение, что я подписала контракт с дьяволом и продала ему душу, не покидало меня.

Проснулась я от звука вибрации. Странно. Смартфон лежал под подушкой, и, казалось бы, через толстый пуховой слой его невозможно услышать. Но нет. Было такое чувство, что вибрация шла не из-под подушки, а из глубины моей головы.

– Да, – недовольно протянула я.

– Виктория, – хриплый низкий голос Самойлова прозвучал насмешливо. А я распахнула ресницы и уставилась в своё размытое отражение на натяжном потолке. – Почему вы до сих пор спите?

– Виталий Серге...

– Виталий, – чересчур резко выбросил он.

– Сегодня выходной, суббота. Я правда должна отчитываться перед вами? – перевернулась на бок и потянулась. Всему должен быть предел, даже наглости Самойлова.

– Странно, но я вот вчера ознакомился с контрактом, который составила моя помощница, и не нашёл там ни одного пункта о выходных.

Рабство!

– Понимаете, как бы вам так объяснить... – потянула я, приподнимаясь. Этот мужчина меня пугал, а голос его отчего-то порождал во мне безотчетную дрожь. И было невероятно трудно разобраться в том, что же это была за дрожь – страха или желания. – Моя работа –

она не офисная. И не требует моего постоянного присутствия в вашей квартире. Особенно на данном этапе.

– Как бы вам так объяснить, Виктория, – скопировал он мой тон, – я хочу быстро и качественно! Что в этом непонятно? А в замерах, которые вам предоставила Мария Павловна, есть ошибка, поэ...

– Что? – перебила его, не дослушав. Потому что словосочетание *ошибка в размерах* было для меня словно сигнальная кнопка тревоги. Я вмиг проснулась. Подскочила с кровати и, отодвинув дверцу шкафа, достала из него ярко-розовый брючный костюм.

– Второй этаж не тот.

Черт! Ведь я даже не поднялась наверх. Дура!

– К-как не тот? – плотнее прижала розовую ткань к груди и открыла дверь в ванную.

– Понятия не имею, Виктория. – Мне показалось или он как-то по-особенному произносит мое имя? Словно порывкая. Новый ворох мурашек пробежался по спине, и я поспешила прекратить этот разговор.

– Я скоро приеду, Виталий Сер... Виталий!

И, не дожидаясь разрешения или запрета, я повесила трубку. Ключи у меня были, а исправлять косяк нужно срочно. Ведь самым основным пунктом в нашем с Самойловым договоре было время. Ничтожный отрезок времени, в который я просто обязана была уложиться. Иначе будет плохо. Очень плохо!

Глава 9

На бегу я успела даже поесть, а все Ева. Моя белочка сделала себе горячий бутерброд, и я, как самая настоящая заботливая мать, практически из-под носа забрала вредную каку у дочери и протянула ей пачку с хлопьями.

– Ну, ма-а-ам, – протянула Ева, но я была непреклонна, а бутерброд был чудо как вкусен.

Дожевала вкуснятину уже в коридоре, обуваясь. Потом вернулась на кухню и выпила залпом стакан молока.

– Куда ты так спешишь? – спросила дочка, раскладывая на новый кусочек хлеба колбасу и сыр.

– К заказчику, родная. Все, веди себя хорошо. Мама убежала!

Уже захлопывая дверь, услышала что-то вроде “устрою дискотеку”. Ага, как же. Дискотека ей.

Бак у машины был почти полным, что не могло меня не порадовать – не пришлось заезжать на заправку. И меньше чем через час я уже была у знакомого шлагбаума.

Вышла из машины и потянулась за пиджаком, который так и не надела. Несмотря на теплое бабье лето, в шелковой блузке без рукавов было уже холодно. Повесила на плечо огромную сумку, в которую поместился и мой контракт на рабство, и лэптоп, и альбом для набросков, через руку перекинула свою розовую часть гардероба и поспешила в помещение.

На этот раз для того, чтобы открыть лифт на нужном этаже, мне пришлось использовать ключи. Видимо, вчера он был отключен специально для меня.

А сегодня... сегодня он работал, как будто тоже специально для меня.

Зашла в апартаменты. Створки лифта закрылись, издав какой-то пищащий звук, и я поехала. В квартире было тихо.

Хозяина видно не было, и я вздохнула с облегчением. Прошла до того самого единственного стола, за которым мы с Марией Павловной подписывали договор, и, поставив на него сумку, достала из нее рулетку, карандаш и альбом.

“Удачи”, – отдала себе мысленное напутствие и пошла на второй этаж. Когда я преодолевала последние ступеньки и была почти на финише, мое сердце учащенно забилося. Не могла же я так быстро запыхаться? Но, увидев мужской силуэт у окон, я поняла, что сердце забилося совсем от другого – от чувственного желания, чего-то не известного мне, чего-то, на что не решался мой мозг.

Здесь не было стен, лишь огромная площадь и панорамные окна. Высокие потолки и голый бетон на полу и торчащие трубы для воды и слива. Я быстро сосчитала их по всему периметру, застройщиками здесь задумывалось два туалета и три ванных комнаты. Навскидку в помещении было не меньше ста шестидесяти квадратов. Все же второй этаж был чуть меньше. На первом, если план не врал, было сто девяносто.

Куда ему одному столько? Да еще и не для постоянного проживания. Так, ладно, Вика, это не твое дело.

Кашлянула и направилась в сторону мужчины, который так и стоял спиной ко мне, он просто наблюдал за безумно красивым видом, открывающимся из окон.

– Здравствуй, Виталий, – закончила фразу намного тише, чем начинала, потому что голос внезапно осип, стоило мне только посмотреть на шею Самойлова. Смуглая и такая широкая, мне захотелось в нее уткнуться носом, чтобы понюхать. Вика, прекрати! Сердце ускорило свой ритм, а мужчина наконец-то повернулся ко мне.

– Мы уже здоровались, Виктория, – серьезно произнес он, и я поняла, как же ему шел этот деловой костюм. Белая рубашка подчеркивала красивый загар, а пиджак натягивался на его руках, показывая, какими мощными были его бицепсы, и не только они.

Самойлов был очень большим: высоким, широкоплечим, даже я со своими метр восемьдесят рядом с ним ощущала себя малышкой, этакой Дюймовочкой, смотрящей на великолепного мужчину снизу вверх. И, господи, как же мне нравилось это *снизу вверх*. Последним моим таким высоким мужчиной был... Да именно Самойлов им и был, до него муж, а после я и близко к таким не подходила.

Были мужчины и среднего роста, и даже ниже меня, те почему-то особенно дорожили отношениями со мной. А я не дорожила отношениями ни с кем. Встречалась время от времени с представителями сильного пола, чтобы поддерживать организм в тонусе, и каждый раз поражалась, почему о тех же низких мужчинах говорят, что они лучшие любовники. Неправда. Лучшим был Самойлов. И сейчас, девять лет спустя, я это отчетливо понимала.

– Вы пришли изучать квартиру или меня, Виктория? – Приподняв левую бровь, он растянул губы в улыбке, больше напоминающей оскал.

Я тут же обняла себя за плечи и только тогда поняла, что так и не накинула пиджак – наверное, оставила его на столе вместе с сумкой.

Дура! Растерла плечи и отвела взгляд от мужчины. Что он подумает обо мне? Смотрела на него как самая настоящая голодная женщина, не знавшая мужчину уже тысячу лет.

– Простите, Виталий, – голос опять предательски сел, и я прокашлялась, – я просто задумалась, здесь очень красиво. Так много зелени открывается из окон, что можно на какое-то время забыть, где мы находимся.

– Я поэтому и приобрел эту недвижимость. Увидел план застройки парка и уже тогда принял решение, абсолютно не обращая внимания на саму жилплощадь.

Зачем он со мной откровенничал? Мне стало не по себе. По телу побежали мурашки неприязни к самой себе. Я отчего-то почувствовала себя отвратительной лгуньей, захотелось закричать, что это я и что мы знакомы. Черт возьми, да мы спали в одной кровати, мы трахались как сумасшедшие. И сейчас, помня то, чего не помнит он, я чувствовала себя обманщицей, будто водила мужчину за нос, опасного мужчину, которого лучше бы вообще поостеречься....

– Я привез вам бумаги от застройщика, со всеми планами и схемами. Они правильные, Виктория.

Опять это рычащее “р”, от которого у меня в узел скручивалось что-то в животе.

– Сп-спасибо, – рассеянно кивнула, пытаясь отдышаться. Этот мужчина просто невозможно действовал на все мое естество.

– Но вы все же все проверьте, а то я начну сомневаться в вашей компетентности, – усмехнулся Самойлов и, круто развернувшись, пошел к лестнице.

Я вздохнула и еще крепче сжала свои плечи.

Успокойся, только успокойся. Сделаешь проект. Сделаешь ему лучший проект, получишь деньги и больше не увидишь его никогда.

Все, успокойся. Да даже сейчас, в век технологий, можно вообще не видеться с заказчиком, будем решать все вопросы по телефону, и все.

На этой воодушевляющей мысли я все же собралась силами и, натянув на лицо вежливую улыбку, поспешила вниз, следом за мужчиной.

Глава 10

О, как же самонадеянна и наивна я была, когда считала, что видеться с Самойловым мы практически не будем. Мужчина развеял мои сомнения буквально через день.

Я по-настоящему загорелась этой квартирой, наверное, потому согласилась на рабский контракт, ведь, увидев такие возможности, построив в голове идеальную картину того, как могло бы быть, я уже не могла отказаться. Потому и закрыла глаза на многие идиотские условия изначально. Да что говорить, перед тем как подписать, я даже не дочитала контракт до конца. Дура, как есть, самая настоящая дура.

Но я кайфовала, все выходные после того, как забрала и перепроверила размеры второго этажа, я рисовала. Не знаю, почему изменила собственному правилу и начала именно со второго этажа, но видение мужчины, стоящего ко мне спиной у окон, меня не покидало и каждый раз в моей голове обрастало подробностями: появлялась мебель, цвета, детали, и неизменно в каждом рисунке был Самойлов как часть интерьера.

Он был даже на тех, которые я посвятила другой части этажа. Виталий непременно отражался то в зеркале, то в телевизоре, то в глянцевой напольной вазе. Когда я поймала себя на том, что рисую на двери блик отражающегося света от запонок Самойлова, тогда я поняла, что чокнулась. Ведь там, в квартире, я даже не обратила внимания на драгоценные и такие стильные украшения для его пиджака, но на эскизах они появились неожиданными, непрошеными гостями.

К вечеру воскресенья дизайн второго этажа был полностью готов. Просто сумасшедшая скорость. Конечно, это лишь наброски, без конкретных фактур, текстур и материалов. Но я давно так быстро не работала. Да что говорить, я даже не накормила дочь. Моя любимая и такая самостоятельная белочка сама позаботилась о себе и маме. На обед мы кушали пельмени со сметаной, а на ужин макароны с сыром и котлетами.

Господи, моя дочь была лучшей.

Утром в понедельник я встала пораньше, приготовила ее любимую творожную запеканку на завтрак и, уже когда отвезла дочь в школу, засела за перенос дизайн-проекта с альбомных листов в компьютер.

Звонок раздался в девять пятнадцать. Я так и не вбила в контакты номер Виталия, но несмотря на это сразу узнала набор цифр.

Посчитала до пяти и, прикусив кончик карандаша, провела пальцем по сенсорному экрану телефона.

– Да? – то ли поприветствовала, то ли с ходу поинтересовалась, что ему от меня нужно.

– Виктория, – опять это «р», да он смерти моей хотел с утра пораньше, не иначе.

– Виталий.

– Почему я не вижу вас на рабочем месте?

Это сейчас шутка такая была?

– Простите?

– Вы проспали?

Да он точно издевается.

– Виталий, вы, наверное, не совсем точно понимаете специфику моей работы. Я не должна постоянно находиться в вашей квартире, я работаю удаленно. Да у вас там даже интернет не проведен, – все же не сдержалась я.

– Виктория, я говорил не о квартире, а о моем офисе. Мне, честно говоря, плевать на специфику вашего занятия. Вы временный наемный рабочий, и я бы предпочел, чтобы, как и весь остальной постоянный персонал, находились в офисе. И не переживайте, вам выделяют кабинет и даже, – он сделал паузу, – интернет.

– Вы сейчас серьезно?

– Абсолютно, уж простите, но я все привык держать под контролем, особенно когда дело касается того, как будет выглядеть моя квартира. Не хотелось бы зря тратить время на переделки, а сразу сделать так, как мне хочется.

Карандаш, зажатый в зубах, начал крошиться. Чертов вояка. Хочется ему. Контроллер хренов.

– Пункта о моем рабочем месте не было в контракте, – предприняла последнюю, почти бесполезную попытку.

– Вы хотите со мной поссориться? – мягко, но так угрожающе спросил он, что я задыхнулась. – Ведь я могу вызывать вас каждый час для внесения новых пожеланий.

Сволочь. Он и его рыжая помощница. Тоже, что ли, перекраситься обратно? С прежним цветом волос я была более удачливым человеком. В контракте и правда были пункты о том, что я обязана в любое время суток отвечать на его звонки и являться по первому требованию для разъяснения непонятных ему вопросов. А также для того, чтобы вносить поправки, которые этому важному мужчине могут прийти в голову спонтанно. В душе, например.

Так, тормози, это меня уже совсем не туда понесло. Только вот воображение мое не послушалось и с радостью нарисовало картинки голого Самойлова. Пену, стекающую по рельефному торсу к паху...

– Хорошо, – чуть не взвизгнув, ответила я, пытаюсь отвлечься от наваждения, до сих пор стоящего перед глазами, – я приеду в ваш офис, но, во-первых, я не знаю адреса. А во-вторых, вы должны понимать, что у меня должен быть свободный, гибкий график. – Я четко понимала, что обязана отстоять свой привычный уклад, пойти на уступки, но скорее видимые. – Давайте договоримся: я буду приезжать каждый день в ваш офис, возможно, для вас, как для очень делового и занятого человека, это будет намного удобнее, и находиться там с утра и до обеда. На первом этапе, – поспешила закончить свою мысль, пока он не решил, что я соглашусь постоянно и безвылазно сидеть у него под боком, – потом, само собой, мне придется ездить и общаться с поставщиками, выезжать на объект и так далее, тут уже никто не сможет предугадать по времени.

– Я вышлю вам в смс адрес, на ресепшне покажете паспорт и вам выдадут пропуск, – раздраженно произнес он, и все. Повесил трубку!

И как это можно было понять? Он согласился со мной? Остался при своем мнении? Или, вообще, что? Какая же я дура! Чертовы амбиции и стремление к прекрасному. Ну на кой ляд я подписала этот адский контракт и взялась за непосильную работу? Все же это не мой уровень. Не мой.

Но какая же заманчивая возможность и полет для фантазий.

Я глянула на рисунки и пришла в ужас. Что, если Самойлов захочет увидеть эскизы? Что он подумает?

Черт. Черт. Черт.

Глава 11

Нажал на отбой и крепко сдал в ладони телефон. Свободный график ей подавай, встречи с поставщиками, блять.

Мечтательница.

Стоило только вспомнить, в каком виде она явилась в субботу на деловую встречу со мной. На деловую. А я только и думал о том, как взять себя в руки, чтобы не прижать ее к панорамным окнам и хорошенько не оттрахать.

Странно, что меня завела даже не попка, аппетитно обтянутая ярко-розовыми брюками. Брюками, которые не оставляли никакого полета для фантазии, совсем. Они обтягивали Викторию от самой талии и до тонких щиколоток. И без того длинные ноги девушки казались бесконечными, хотелось их закинуть себе на плечи, потому что именно там для них было самое идеальное место. Но дело было даже не в сводящих с ума ногах.

Когда Вика подошла ко мне и обняла себя за плечи, я увидел, как по ее рукам побежали мурашки. Почему при виде маленьких пупырышек у меня сразу встал член, я так и не понял. Но облизать Викторию захотелось, всю и сразу.словно она была ягодным тортом, политым сиропом.

И вот теперь она говорила, что будет ездить к поставщикам. Да черта с два.

Откинулся на спинку кресла и растер виски. Нужно было поскорее с этим заканчивать, я чересчур сильно переоценил свое терпение и недооценил тягу к рыжей ведьме. Факт.

Ладони начало покалывать. Провел большим пальцем по остальным, представляя, как перебираю в руках ее гладкие и мягкие волосы. Непременно рыжие, только такие.

По позвоночнику прошел импульс, а в штанах опять стало тесно. Пытка. Самая настоящая. Прикрыл глаза, пытаясь расслабиться, перебрал в голове все сегодняшние задачи, отделил от них первоочередные, составил их в нужном и правильном порядке.

Интересно, во что она вырядится сегодня?

Да твою ж мать...

Открыл глаза и поднялся с кресла. Груша должна была помочь, но в этот момент пропихнул селектор, и я нажал на кнопку, не садясь обратно. Все возбуждение ушло разом, развеялось как дымка, стоило только услышать писклявый голос Иоанны. Нет, ну это ж надо было додуматься – назвать так бедного ребенка.

– Виталий Сергеевич, простите. К вам пытается прорваться женщина, хоть я и сказала, что вы заняты.

В груди что-то ёкнуло, а голос внезапно осип.

– Посетительница представилась?

– Олимпиада Львовна, она не хочет называть свою фамилию, – уже более приглушенно произнесла помощница моей помощницы, а я рассмеялся, не сдерживаясь, во весь голос, стоило только представить, как в этот момент та самая Олимпиада Львовна смотрит на Иоанну, словно удав на кролика. И опять эта ассоциация рыжей помощницы с кроликом. Мне стало жаль девушку, правда, лишь самую малость. Отсмеявшись, я наконец-то произнес: – Мама, как ты там еще дверь не вынесла и не зашла, я поражен твоим терпением, честно.

Из динамиков послышался писк. Возможно, удав все же решил проглотить трясущегося от страха кролика?

Не прошло и минуты, как в кабинете появилась мама. Она молча и степенно дошла до моего стола и плавно опустилась в кресло напротив, положила свою маленькую черную сумочку, больше похожую на кошелек, на стол и, сложив ногу на ногу, сцепила руки в замок на коленях. Все это время мать прожигала меня недовольным взглядом.

– Я тут ни при чем, – поднял руки вверх, признавая поражение и садясь обратно. Надобность в груше отпала.

Мама лишь выгнула левую бровь дугой. Изумительное умение – поднимать лишь одну бровь. Мне оно тоже досталось от родительницы. На подчиненных действовало потрясающе.

– Это все Мария Павловна, и, кстати, где она сейчас, понятия не имею. – Глянул на часы. – Я еще час назад поручил ей подготовить кабинет для нового сотрудника, и, – развел руками, – видимо, до сих пор готовит.

– Что же это за сотрудник такой, Виталик, что ты Машеньку загрузил? – сухо произнесла мама, но ее холодные голубые глаза наконец-то оттаяли.

– Она сама его, – кашлянул в кулак, пытаюсь скрыть улыбку, набежавшую на лицо, стоило лишь вспомнить разговор с тетей Машей в *тот* день, – точнее, ее выбрала.

– А можно подробнее, а то мне уже страшно, – мама заинтересовалась и, чуть подавшись вперед, впитывала в себя все мои эмоции.

– Почему страшно?

Я знал, что она скажет, но не мог отказать себе в удовольствии услышать это из ее уст. Ведь она так обожала Машеньку.

– Ну, видимо, возраст берет свое. Она хоть и младше меня на пять лет, но знаешь, милый, посмотрев на помощницу, которую она готовит на свое место, я засомневалась в здравости ее рассудка. Наверное, она устала.

Я не сдержался. Засмеялся опять, искренне и громко. Как же я обожал мамину прямолинейность. Поднялся с места и, обойдя стол по кругу, встал за маминей спиной, положил руки ей на плечи, невесомо сжал и, поцеловав в макушку, прислонился подбородком к седым волосам, собранным в аккуратный пучок.

Мама положила ладонь на мою руку и, похлопав по ней, начала неизбежный разговор, ради которого сюда пришла.

Она редко появлялась в офисе, даже когда здесь еще работал отец. Последний раз она здесь была лет восемь назад, как раз когда я был на учебе в Москве. Я тогда с самолета поехал сразу сюда, до дома было дальше, а мама, узнав о том, куда я держу путь из аэропорта, опередила меня. И, когда я явился в кабинет, она уже ожидала блудного сына вместе с отцом. На самом деле она очень мной гордилась за выбор профессии и самостоятельную жизнь.

Мама, в отличие от отца, которого она иногда в шутку называла торгашом до мозга костей, была из очень статусной семьи. Поздняя и единственная дочь человека, получившего звание маршала Советского Союза, который женился почти в пятьдесят на молоденькой дочери эмигрантов дворянских кровей. Самый настоящий мезальянс, за который деда собирались лишить звания. Но все как-то утряслось и улеглось, бабушке дали гражданство и закрыли глаза на ее происхождение. Что было очень странно, словно кто-то им там что-то наколдовал.

Они встретились во Франции, и через два дня знакомства дед, приехавший по государственной важности делам в составе делегации, практически похитил бабушку, вывез в ФРГ, а там уже и пересек границу. Бабушка до сих пор вспоминает то чудное приключение с улыбкой и слезами на глазах. А вот деда не стало с нами двадцать один год назад, он прожил до восьмидесяти восьми. До последнего держался молодцом и сражался со своими болячками, потому что не хотел оставлять в одиночестве своих девочек, несмотря на то, что у его девочек был мой отец, уже тогда построивший свой бизнес, и я, молодой парень, который к тому моменту определился, что пойдет по стопам деда.

Понятно, что я не рассчитывал дослужиться до таких грандиозных званий, я прекрасно знал, что мне рано или поздно придется вернуться и продолжить дело отца, иначе никак. Ведь я тоже был поздним ребенком. Но несмотря на это я был благодарен отцу, что он не давил и принял мой выбор, позволил состояться как личности. А мама... мама мной гордилось, и это делало меня безумно счастливым человеком.

– Если ты не женишься и не сделаешь своему отцу внука в самом ближайшем времени, он умрет раньше положенного срока, а я, знаешь ли, не хочу этого, милый.

– Мам, ты так говоришь, как будто это проще простого.

– Я понимаю, что это непросто, и даже смирилась в глубине души, что никогда не подержу на руках собственных внуков. Мы сами виноваты, что так долго тянули с твоим появлением на свет. Но ведь мы были молоды и наивны, думали, что успеем многое, ведь вся жизнь, казалась бы, стояла впереди. Не повторяй наших ошибок, Виталий.

– Мам...

– К отцу сегодня опять приезжал врач, ему было плохо. Прописали курс капельниц. – Мама глубоко вздохнула. – Он разговаривал со Станиславом, и тот подтвердил, что вашего союза с Мирославой не будет.

– Я же ему говорил уже. – Отстранился от матери и пошел к бару. – Воду?

– Нет, не надо, сын. Просто подумай над этим. Вы, мужчины, на самом деле более чувствительны ко всему и более эмоциональны...

– Маа-ам!

– Не перебивай, отцу это очень важно. Все. – Мама поднялась с кресла и, взяв клатч со стола, не оборачиваясь ко мне, произнесла: – Я сказала, ты теперь думай над моими словами. И делай выводы. – Тут она все же развернулась и, пронзительно посмотрев на меня, сделала решающий удар: – Я верю в тебя, сын.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.